

Принятие на сходе полна общественного движения закона 13 июня 1867 г. вылилось дополнительным ударом по непрочной дворянской и земской оппозиционности и сыграло свою роль в прекращении адресной кампании. Правительство постоянно имело в виду карательные возможности, предоставляемые первым из них, хотя и не торопилось к ним прибегать. Так, при обсуждении в 1871 г. ведомством поданного проекта министр внутренних дел А. Е. Тимашев в циркуляре напоминал губернаторам о законе 13 июня 1867 г., который правительство может не исполнять в случае выхода земских собраний за отпущенные рамки запроса, но одновременно указывал, что обращение к такой мере нежелательно, так что предпочтительнее было бы предупредить оппозиционные заявления. Что же касается дополнительных правил о печати, то они применялись постоянно и неукоснительно.

Разумеется, такого рода законы срабатывают только в условиях общественного спада, а в обстановке революционного кризиса они оказывались неспособными предотвратить проявления общественного недовольства.

И. Б. СОЛОВЬЕВ

К ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МАНИФЕСТА 26 ФЕВРАЛЯ 1903 г.

В эпоху, непосредственно предшествующую революции 1905—1907 гг., особое место занял 1902 год. Ленин отзывался о нем, как о времени, когда невозможно обозначить признаки наступающей крутой перемены в жизни страны: «Мы переживаем бурное время, когда истории России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полувековой пореформенной эпохи, накладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, — и «наши направления» созревают (и отвечают) необычайно быстро».¹

Выход из создаваемого и в правительственных сферах трудного положения ищется и принимается — и усилении репрессий (под них попадали и представители самых умеренных течений, например инновекского) и — в этом отличительная особенность наступающей эпохи — и разного рода манипуляциях, и даже уже и в прямом фактуальности. Но все держится старого, самодержавие чувствуется, однако, свои позиции все менее прочными и шатается

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 377.

усиленно изворачиваться. И если одних намереваются скрутить, то других хотят сбить с толку. Сочетание этих двух начал получило отражение в первые месяцы 1903 г. и отношениях с земской оппозицией, а еще раньше уже и в виде основополагающего принципа всей внутренней политики было торжественно провозглашено манифестом 26 февраля. При неоднократно повторенном обете благодати «устой» и следовать по пути Александра III возбуждалась надежда на скорое облегчение усвоенной жизни. Наряду с осуждением «муты» дано было обязательство «незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным, содействовать «упрочению народного хозяйства» при выделении помещичьего дворянства и крестьянства как двух основных объектов заботы.²

Уже сейчас объявлялось о решенной отмене круговой поруки. И в целом в положении крестьянства должны были произойти перемены. Разработка же их намечалась при участии на местах «достойнейших людей», выступающих и качестве представителей общества. И вообще местным силам предоставлялся большой простор, для чего проектировалось преобразовать губернское и уездное управление.

Придумавшие этот ход ожидали от него чрезвычайного эффекта. Предполагалось, что на всю Россию сказанным царским словом разом удастся заглушить всякое недовольство, что манифест примет за начало чего-то совсем нового, тогда как на самом деле все будет оставлено по старому и старое будет даже усилено. Но какие бы ни строились расчеты, понимание этого акта служило признаком того, что самодержавие вынуждалось маневрировать, что у него нет былой уверенности в своих силах, и надеждности репрессий.

В. И. Ленин обратил на манифест особое внимание, придавая ему как важнейшему свидетельству кризиса самодержавия «громадное значение».³ На это выступление власти он немедленно откликается статьей в «Искре», не скрывая нетипичную сущность этого шага, рассматривая его как обращение «ко всему народу с лицемерными и фальшивыми обещаниями».⁴ Общий вывод Ленин вынес в заголовок статьи, «Самодержавие колеблется. . .», — так оценивал Ленин⁵ смысл объявленной властью решимости и дальше неуклонно охранять устой и ою же подаваемой надежды на какие-то перемены, на будто бы предстоящее вскоре изменение всей жизни к лучшему. Князь Менделеев так и писал в «Гражданине», что манифест должен создать «предчувствие чего-то хорошего впереди».⁶ И когда тот же Менделеев принимался бурно похвалить его не столько за данный обет благодати старай порядок, а находил повод

² Правительственный вестник, 1903, 27 февраля, № 46, с. 1.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 123.

⁴ Там же, с. 124.

⁵ Там же, с. 123—128.

⁶ Дневник 27 февраля. — Гражданин, 1903, 2 марта, с. 26.

для радости в том, что «это праздник Свободы!»⁷ праздник либерализма, тут же причислил и себя к либералам, хотя и особенного образца, то это, пожалуй, красноречивее, чем все остальное, говорило о том, что самодержавие немалые надежды возлагает на обыкновенную ловкость рук. «Гражданин» вполне мог служить наглядным примером того, как предполагается действовать, когда на виду у всех проделывал самую несложную махинацию. Не изощрялся в тонкостях и поисках каких-то особенно хитроумных способов воздействия на умы, он просто называл существующие в России порядки свободой (на свой, правда, фасон), оберегаемой «вечной силой самодержавия».⁸ Этими пассажами имелось в виду сбить с толку тех, кто теперь громко и неотступно требовал свободы, кому стало невыносимо вечное рабство, выдаваемое Менцеровским за подлинную, настоящую свободу. И он пытался удержать в старых тепетах массы, пробуждающиеся к борьбе с самодержавием, уверяя еще способных быть обманутыми, что в манифесте запечатлена «вера в творчество местной жизни», провозглашен «призыв к самодеятельности». Чтобы эти уловки выглядели убедительнее, он обращался к приемам самой беззащитной демагогии. «Не петербургский столоначальник — бездушный и чужой, — гремел он против столичной бюрократии, — а хороший человек с сердцем, с знанием дела и с здравым смыслом иступит в роль врача больного на месте, и своих больных будут лечить свои врачи, свои нужды будут открывать и будут удовлетворять свои люди под охранною силою не чиновника, а представителя царской власти».⁹ Звучала и нота остротки — манифест являлся для пралумления тех, которых смута могла бы повлечь и ожидания каких-то либеральных реформ государственного строя, чуждых нашей жизни. Но главным было все же пустить прага по ложному следу, спутать устоявшиеся представления о самодержавии как о непреодолимом препятствии на пути к освобождению, к преобразованию условий жизни, ставших для громадного большинства невыносимыми. Передергивание карт возводилось теверь и ранг большой полятики. Менцеровскому, по-видимому, казалось, что небывало широким употреблением всякого рода обманных приемов найдено, наконец, средство изменить неблагоприятную обстановку к своей пользе, что манифест с его туманными обещаниями каких-то благих перемен сделается чем-то вроде талисмана, надежного силой исполнить самые трудные пожелания, находить выход из безвыходных или стагнирующих таким положений. Он должен был стать заклинанием, способным унять волнение, на глазах превращающееся в бурю. В «Гражданине» он преподносится как нечто исключительно важное, определяющее судьбы страны. Насколько усердно старался журнал раздуть значение этой акции, хорошо видно

⁷ Речь Купсерватора. — Там же, с. 5.

⁸ Там же, с. 3.

⁹ Дневник 28 февраля. — Там же, с. 26.

по статье Н. Колышко «Царское слово». В ней говорилось о том, что манифест 26 февраля подводил итог десятилетия и давал, наконец, ответ на поставленные ими и до того остававшиеся нерешенными вопросы. Он будто бы шел «навстречу целой эпохе», «целой серией вопросов и запросов, спутанных в узел душившего всех годами кошмара».¹⁰ Колышко подавал его как разрешение давно назревшего кризиса, выражавшегося в бессилии режима управлять теми стихийными процессами, которые совершались в стране, противостоять направленной ему по пред переменам. Утверждение самодержавия в начале царствования Александра III оказывалось лишь эпизодом, не помешавшим расширению всех устоев старого порядка, как будто бы навсегда упроченного волею цари в 1881 г. Какие бы цели ни ставила тогда перед собой власть, развитие, вопреки ее желаниям, пошло по другому пути, и в итоге «все вместе потонуло в загадке надвигающейся с запада материальной культуры и в судорогах голодного брожья. Жизнь государства навстречу и в каком-то экстазе бессомнощности».¹¹ Неспособное справиться с силой стихии, цепляющееся за старое и теснимо пошам, самодержавие и в восприятии своих сторонников и возрастающей мере обнаруживало несостоятельность, приди в конце концов к тому, что и для них являлось тушкой. «Те, кто пережил бури шестидесятых и восьмидесятых годов, тоскливо, с волею говорят: „хуже не было“»,¹² — так изображались настроения в стане охранителей. Действительно, им было от чего прийти к унынию, имея перед глазами, по словам Колышко, подвизавший «корабль государственной жизни нашей, с обшешими парусами и большими, апатичными матросами».

Но теперь манифестом 26 февраля все преобразилось, паруса самодержавия снова наполнились ветром, воспринимавшая команда должна была броситься решительно исполнить свои обязанности, и застывшее судно из заводи снова пускалось в плавание. И если эту метаморфозу предстояло совершить свободно, поскольку манифест, уверял Колышко, был призывом «к индивидуализации, к провидению личности».¹³ Стараясь утешить читателей развернутой перспективой, он все же отговаривался, что в этом случае самодержавие выступает в необычной для себя роли, присваивая то, что до сих пор находилось в арсенале его противников. «Самодержавный монарх с таким призывом к своим подданным еще не обращался», — стараясь он создать впечатление, что наступает какая-то новая пора, что власть, оставаясь все той же, поведет страну по какому-то новому пути и нужно только беспрекословно и безоглядно довериться ей.

¹⁰ С е р е т в и й (Н. Колышко). Маленькие мысли. Царское слово. — Там же, 9 марта, с. 5.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 6.

Все помещаемое на страницах «Гражданина» по поводу манифеста весьма важно для понимания истинной сути затеянного маневра уже по той причине, что у журналиста снова появился привычный Менцеровскому читатель — сам царь.

Князь после длившегося несколько лет забвения и смеси с деловой пренебреженностью и даже недоброжелательством снова входит в особый фавор уже у второго самодержавца, чтобы опять испытать милости и потом обрести ее вновь. Не новое для него положение. Еще и царствование Александра III, когда он сумел иступит и круг наиболее приближенных к царю лиц, ему не раз приходилось бывать под огнем и цести тяжелейший урон. Иногда могло показаться, что он пропал, что роль его — стоящего за тронем и напуганного в охотно слушающее царское ухо свои советы — завершена, и завершена с позором. Приходилось ему бывать вынужденным царской рукой за порога, выслушивающим все, что полагается выслушивать приходимцу. Но и царской же рукой он был возвращаем, хотя бы иногда спустя годы, обратно, снова становился ближайшим конфидентом и снова занимал свое привычное место за тронем. В самую канун мировой войны он был одним из ближайших к Николаю лиц. Никто не был так нужен самодержавию, никто так хорошо не понял его сути и не умел так ему подыгрывать, как он; он умел лучше, чем кто-нибудь другой, что оно до последнего часа будет сражаться за свое всевластие, за то, чтобы быть и оставаться в своей настоящей сущности, а все реформаторы, самодержавия же ради мечтавшие сохранить его, приспособить к новым условиям жизни, рано или поздно окажутся за бортом со всеми реформаторскими попытками и власть частично или целиком перевернется их начинания.

1902 год и стал для Менцерекого временем повторного возмещения. Пожалуй, он стал даже никем его карьера за все десятилетия его столь тесного общения с царями. Князь сумел настолько войти в доверие к Николаю, что тот перешел с ним на ты, делить с ним своими планами, уверяя его в своей исключительной привязанности, которую ничто не сможет поколебать. В первые месяцы 1902 г. Менцерекий выступает в роли не только ближайшего царского советника, но его воспитателя и наставника. Писания, которыми он снабжал Николая, производят на царя исключительное впечатление. Прочитав Дневники за 26 февраля 1902 г. (день рождения Александра III) с их приозвученным беспределом и всемогуществом власти, царь воспринял их как откровение. «Я уверовал в себя. . . Очень благодарю за Дневники»,¹⁴ — писал он Менцеровскому 28 февраля о том, как подействовало на него рассуждение, что царю свыше дано принимать безошибочные решения, поскольку он есть истинное воплощение и орудие воли божества. С этого времени влияние князя возрастает чуть ли не со дня на

¹⁴ Николай II — кн. В. П. Менцеровскому 28 февраля 1902 г. — Oxford Slavonic Papers, vol. X, 1962, p. 129.

день. Менцерекой нашел и Николае струны, на которых его натренированная рука играла без труда и с ощутимым эффектом. Царь жадно читает сочиненные специально для него, как это делалось и для Александра III, дневники с поучениями, что и как делать. Со стороны Николая эта возобновленная практика встречает самый благодарный отклик: «Еще раз спасибо Вам, князь, за Ваши последние Дневники — Я несколько раз с особым вниманием и каким-то радостным трепетом перечитал описание той перемены, которой Вы были свидетелем — перемены, происшедшей в моем обожаемом Отце в 1881 г. Какое утешительное совпадение Вашей мысли с моей». ¹⁵ Видя, как охотно Николай идет к нему и обучение, Менцерекой, по-видимому, еще более увеличивает дозу преподаваемой науки. Какие богатые плоды приносили его уроки, видно по письму Николая от 22 марта: «Искренне благодарю Вас за последующую Дневника и письмо. Опять-таки с удовольствием вижу, что наше общение не есть случайное. Это прямое последствие воспитания моего дорогого Отца и за сим наследственная преемственность всего того, что ему было дорого и составляло завет его царствования и всецело перешло ко мне и наполняет всецело мою душу. Помилуйте, Вы и сразу оживили и еще усилили этот завет. Я как-то вырос в собственных своих глазах. Это может показаться смешным, но тем не менее это так. Вы, — высказывая царь свою горячую признательность ученика учителю, — своим чутьем разглядели мою душу и все, что Вы говорите обо мне и одном из дневников, совершенно верно. . . Продолжайте писать обо всем, как до сих пор». ¹⁶ Установление этих теплейших отношений между самодержцем и его верноподданым было вскоре же закреплено заключением (как царю показывалось подходящим назвать) «тайного и оборонительного союза». ¹⁷ И Николай не только словами, но и делами убеждал Менцерекого, что между ними действительно установлен и действует «тайный оборонительный союз». Не довольствуясь постоянным чтением писавшихся Менцереким разделов «Гражданина» и прикладывавших им дневников, царь тайно встречался со своим новым другом. На этих свиданиях обсуждались текущие дела, как удостоверил Николай, с большой для него пользой. «Любезный друг, я остался очень доволен нашей последней беседой», ¹⁸ — писал он 16 августа. В этом письме и испался сюжет, показывающий, в чем практически выражался союз. Видимо, при столь пограничившейся Николаю беседе Менцерекий поддал совет обратиться к крестьянству по поводу недавних выступлений в черноземных губерниях. «Нахожу эту мысль тоже весьма удачной», — получала она царское одобрение с присовокуплением

¹⁵ Николай II — кн. В. П. Менцерекому 13 марта 1902 г. — Там же.

¹⁶ Николай II — кн. В. П. Менцерекому 22 марта 1902 г. — Там же, с. 129—130.

¹⁷ Николай II — кн. В. П. Менцерекому 14 мая 1902 г. — Там же, с. 132.

¹⁸ Николай II — кн. В. П. Менцерекому 16 августа 1902 г. — Там же, с. 134.

конкретного поручения: «Прошу набросать мне несколько эскизов, которые и хотел бы сказать полновесным старшинам в Москве или Курске. . . Для народа и язык должен быть простой и кризисно-умительный». На протяжении всего года акции князя стояли очень высоко и он не только имел возможность, но и постоянно воздействовал на формирование основного направления внутренней политики. К важнейшим мероприятиям он приложил свою руку, и, как было и случае с манифестом 26 февраля, задумал это выступление и настоял на нем. Про манифест прямо можно сказать, что это было детище Менцерекого.

Еще и раннюю пору своего стремительного возмещения он обращается к царю с предложением высказаться в торжественной форме перед всей страной и, зачаровав ее царским словом, повести за собой. В первой половине апреля 1902 г. он представил Николаю готовый текст и 18 апреля получил его одобрение. «Возвращаю Вам проект манифеста, который весьма одобряю — как мысль», — писал царь, как бы принимая совет, но и не торопясь с его исполнением.¹⁹ Дело, однако, подвигается и достигает такой стадии, что Николай знакомит с ним в середине мая Плеве, но здесь оно застопоривается, наталкиваясь на противодействие министра. «О Манифесте я долго и подробно беседовал с Плеве, — писал 14 мая император, — и в конце концов уступил ему».²⁰ Плеве настаивал на том, чтобы манифест был издан 21 октября, к годовщине вступления Николая на престол, «когда подготовительные работы, касающиеся его содержания, будут исполнены и правильно и ясно намечены. Я думаю также, — высказывал с ним свое согласие царь, — не сердись», — извинялся он перед Менцереким, видимо потирающим лоб. Князь почувствовал, что допустил промах, действуя в обход Плеве. Непринятия окончательности, он стремится установить с Плеве тесный контакт и просит у Николая разрешения осведомлять министра о делаемых царю предложениях. «. . . и нахожу прекрасною твою мысль держать Плеве ан сонгаи тех вопросов, о которых ты хочешь мне писать»,²¹ — последовал ответ царя. До этого Менцерекий уже имел встречу с Плеве. «Одобряю то, что ты говорил Плеве в разговоре с ним и Царском», — санкционировал Николай проводимую Менцереким линию. Но и согласовав ее с Плеве, тот не дождался появления манифеста в назначенный срок. На этот раз причиной задержки был сам Николай. Ему представлялось, что провозглашение его воли уже состоялось курскими выступлениями: «Мне казалось, что после всего сказанного в Курске — с Манифестом можно подождать».²² Но князь держался, видимо, иного мнения, отстаивая свою точку зрения и «подчас страстных письмах», и, что касается манифеста,

¹⁹ Николай II — кн. В. П. Менцерекому 18 апреля 1902 г. — Там же, с. 131.

²⁰ Николай II — кн. В. П. Менцерекому 14 мая 1902 г. — Там же, с. 132.

²¹ Николай II — кн. В. П. Менцерекому 26 мая 1902 г. — Там же, с. 132.

²² Николай II — кн. В. П. Менцерекому 20 октября 1902 г. — Там же, с. 135.

преуспел. Через месяц дело как будто было уже совсем на мази. «Постоянно думал о манифесте, и все более склоняюсь к мысли об издании его к Новому году. Прилагаю проект твой, переделанный Плене. Может быть, ты его обработаешь и пришьешь мне с пояснительной запиской»,²³ — пишет царь 26 ноября. Усиленная работа продолжается до Нового года, и на 6 января намечается оповещение уже готового текста, отложенное, однако, Николаем в самый последний момент. «Спасибо тебе, любезный друг, за исправленный и дополненный проект манифеста. Публиковать его завтра не решился, потому что дело слишком серьезное, и я его еще изучаю. Прощай, верь и надейся»,²⁴ — успокаивает Николай Менцеровского. Новое письмо в середине января показывает, что смущало Николая. «Статью о свободе слова я совсем вычеркнул. Она была бы несвоевременна», — сообщал он 14 января, обещая, что «манифест появится на днях». ²⁵ В конце концов было решено приурочить его ко дню рождения Александра III. ²⁶ Но и до его появления читатели «Гражданина» уже могли вычитать в нем манифест 26 февраля 1903 г.: его основной мотив неуклонно повторяется на страницах журнала почти на протяжении года начиная с апреля 1902 г., после убийства Сивягина. Среди его обычных материалов, среди призывов к расправам, всего оголтелого, накопленного десятилетиями ненавистничества к любому проявлению независимости появляется новая тема — самодержавие не может существовать без свободы, свобода не может существовать без самодержавия. Как бы нелепо это ни звучало, Менцеровский приступает к делу и уверенности, что этот фокус может удался, что при некоторой ловкости можно будет выдать черное за белое, а другого способа отстоять самодержавие он уже не видит, на одну грубую силу, которую он десятилетиями не устает восхвалять и превозносить, он более не надеется. Он, как на маскараде, хочет переходить самодержавие, оставаясь его, конечно, самодержавием, совсем и другую, египетскую

²³ Николай II — кн. В. П. Менцеровскому 26 ноября 1902 г. — Там же, с. 135.

²⁴ Николай II — кн. В. П. Менцеровскому 5 января 1903 г. — Там же, с. 136.

²⁵ Николай II — кн. В. П. Менцеровскому 14 января 1903 г. — Там же.

²⁶ Обстоятельства завершения работы над манифестом освещены и упоминаются Д. П. Любимов и В. П. Гурко, участвовавших в окончательном редактировании этого документа (Отрывки из воспоминаний Д. П. Любимова. — Истор. архив, 1962, № 6, с. 78; G и r k o V. I. Features and figures of the past. — Stanford University Press, 1939, p. 219—221). Как видно, им предельно важно, что мысль о манифесте принадлежала исключительно, и длительное время истории его подготовки при активном участии Плене, как свидетельствуют письма Николая II Менцеровскому от 14 мая и 26 ноября 1902 г., осталась им неизвестной. Ничего не зная о ней и проведенный про заключительный эпизод генерал А. А. Куревин, описавший все дело и своим дневнике как неожиданную для Плене находку. Тот получил только ряд заметок от царя, содержащихся в документе, написанном женским «английским» почерком с некоторыми орфографическими ошибками, и не знал, как быть, как понять не очень ясный текст царского повеления (РО ГИИ, ф. 126, к. 13. Дневник А. А. Куревина. Запись от 12 ноября 1904 г., л. 357 об.).

по современной моде, на либеральный манер одежду, чтобы его нельзя было узнать, чтобы его можно было принять за что-то совсем другое: старого, задубелого, непримиримого прага свободы за гаранта и непрременное условие свободы. Уже по одному этому можно судить, в насколько затруднительном положении находилась власть, если не было другого выхода, как разыгрывать такой спектакль. Истинного призраки готовящегося перекрашивания самодержавия в либеральные тона появляются в первой половине апреля 1902 г., в то самое время, когда в голове Менцержского уже вполне созрел план унять скачущим царем слонем захлестывающую самодержавие волна недовольства. Текст предложенного им тогда манифеста не сохранился, но, вероятно, его отзвуком можно считать появившееся в «Гражданине» в те же самые дни обличение либералов, которое, конечно, ничем не могло бы привлечь внимание, потому что эти обличения составляли собственно профессию Менцержского и появлялись с регулярностью и неотвратимостью какого-нибудь природного феномена, если бы не необычный повод для тысячекратного повторения нападков. На этот раз либералы упрекались за то, что они нелиберальны по причине обнаруживаемой у них Менцержским нетерпимости, и в этом качестве противопоставлялись правительству, которое либерально и «уважает свободу», но — оговаривалась — «под условием, чтобы она не была своевольем, т. е. нарушением свободы».²⁷ Он не боялся быть пойманным на очевидной фальсификации. И уже позднее он обращается к тем, кто пока оставался для него главным противником существующего порядка — либералам, да еще из среды дворянства, с уверенным, что «единственный свобододолюбивая власть в России — это самодержавие русского царя, что бы вы ни говорили».²⁸ И при себе самого он с той же смелостью писал столь же неслыханное: «... и за последние годы самым искренним и добросовестным образом считав себя либералом».²⁹ В момент возможного появления манифеста в октябре и, видимо, в прямой связи с его содержанием он пишет про самодержавие, подводя итоги восьмилетнего царствования Николая II, что оно, «в отличие от Бухары и Китая, призвано быть не только охранкою, но и источником народной свободы».³⁰ Ударившись в самую беспудерную демагогию, похвалял как великую ценность более всего им незаменимое и одновременно более всего пугающее, он теперь только доказывает, что в самодержавном государстве свобода нужна, как «чистый воздух для здорового дыхания».³¹ Тут же, правда, уточняется, что подразумеваемой им свобода исключает «похищение устоев и законов государства, одинаково оберегающих целостность государственного строя и свободу каждого его гражданина». Как бы фальшиво это ни выхо-

²⁷ Речь Консерватора. — Гражданин, 1902, 11 апреля, с. 4.

²⁸ Дневник 9 июля. — Там же, 18 июля, с. 18.

²⁹ Дневник 17 августа. — Там же, 22 августа, с. 15.

³⁰ Дневники 20—22 октября. — Там же, 24 октября, с. 17.

³¹ Дневник 10 ноября. — Там же, 14 ноября, с. 17.

дило, Менделеев пробовал свой голос в совсем ином репертуаре, туть ли не покушаясь подткнуть Маркелову, а с ним вместе не-наивные мотивы выводили и другие сотрудники журнала, составляя уже целый хор мнимых любителей свободы. Они лобзали теперь перед ней шапки, отдали ей честь, торопились доказать, что наконец-то свобода шагала и самодержавной России свою настоящую родину, а и певцах крепостничества — истинных друзей. Колыanko так и заявлял, что свобода духа и личная неприкосновенность не только могут ужиться при режиме самодержавия; я имел смелость думать, что ни при каком другом режиме им не может быть обеспечено столь широкое развитие. Только манты из пурпура и горпостая достойна осенить собой это величайшее благо людей на земле.²² Менделеев так разошелся, что пачугал своих единомышленников. Они не на шутку исполомились, увидя, как пестолично князь паваливает не только на себя, но на самую власть фригийской колчан. Не вери глазам своим, они перестали уважать Менделеева, подозревая, не переветнулася ли он в лагерь противника, хотя со страниц «Гражданина» все это время параллельно с похвалением свободы раздавался и десятилетиями знакомые мотивы, он с прежним остервенением набрасывался на высказывающих малейшее недовольство существующими порядками, позволяющих себе малейшее свободомыслие. Маскарад, если судить по тому, что кое-кого хотя бы в своей собственной среде удалось швырнуть в заблуждение, выходил удачный. Добиваясь, конечно, гораздо большего эффекта, надеясь сбить с толку не нескольких ретроградов, а приведшую в движение народную массу — в этом состоял главный смысл маневра. — Менделеев мечтал нужным несколько успокоить своих разволнованных сподвижников, показав им несомнительность зародившихся на его счет опасений, шепнув им про настоящую цену обьябованной «Гражданином» свободы. «Как это ни страшно, но мне приходится слышать в рядах моих единомышленников нечто вроде упрёка за то, что я стал так, не обвиняю, говорить за свободу».²³ И как главный режиссер, и сценарист поставленного представления, он как бы приглашал теперь и тех, к кому он обращался, принять в нем участие, но крайней мере призывал их понять, что по ходу дела такое кушарканье стало совершенно необходимым, что теперь всем им и самой власти нужно обязательно взглянуть поборниками свободы, и не со вчерашнего дня, а уже с шунителатым стажем. «Когда же я не был за свободу, как единственное главное духовное благо для человека, как гражданина своего государства и как верноподданного своего самодержавного государя? — Скажу я своим обвинителям», — писал он в их праразумные, обьяснения, что он вовсе не заговаривается, а имеет в виду нечто очень серьезное. «Во имя свободы я чтл самодержавие, как единственное условие, при ко-

²² С е р о н ь к и й. Маленькие мысли. — Там же, 1 декабря, с. 5.

²³ Дневник 11 января. — Там же, 1903, 12 января, с. 18.

тором свобода может быть благом каждого человека и плодом каждого труда, — все снова и снова показывал он, как, по его разумению, можно вывернуться из очень трудного положения, тройным коном проникая в лагерь противника. И чтобы единомышленникам стал еще яснее его замысел, он теперь и самого противника, каким тот ему представлялся, зачислял в подруги свободы. Либералы, обвинял он их, добиваются котиятия свободы у народа и закабаления и цепи конституции». И новоявленный борец за свободу давал обет: «Буду кричать, пока жив, о свободе, как о спасении России от десятилетия комедии-представителя, о свободе, как о главной силе самодержавия». «Она, — давался заключительный аккорд, — нужна повсюду, в своем гармоничном сочетании с почитанием веры, самодержавия и законов».

При всем шутковстве этих ухищрений, при всем очевидном безобразии сработанного Менцерским нового костюма для самодержавия, силовых шитых безымянными штучками, власть все-таки собиралась надеть его на себя — ведь манифест, составленный, вероятно, в духе этих яшварских и еще более ранних излияний Менцерского, должен был появиться почти в то самое время, когда «Гражданин» так громогласно раскипался за свободу — свободу подчиниться самодержавию, свободу и дальше жить в полной несвободе, свободу и в дальнейшем обходиться без самого необходимого.

То, что появилось 26 февраля, и то, что праздновалось Менцерским как «праздник Свободы», было первым отражением беднейшим и журнале многомесячной кампании, приступом к выполнению публично разъясненного в «Гражданине» плана шагулка и обращение фальшивой монеты, на которую теперь предполагалось выжить громадное политическое богатство, кушнуть доверие и послушание России.

Но какие бы непомерные надежды ни возлагались на устраниваемую во всероссийском масштабе подлог, каких бы ни ожидали от него доходов, самодержавие ничего не смогло занести по этой подделке в свой актив. Пущенный с высоты престола мыльный пузырь, которым хотели увлечь страну, заставить ее забыть при виде его все досаждавшие невзгоды и беды, отказаться от борьбы за свободу, тут же лопнул.

Манифест лишь слегка забудоражил правый помещичий фланг либерального движения. Его представитель, М. А. Стахович выражал такое понимание этого шага: «И принадлежит к тем, кто поверили манифесту и приветствуют новую эпоху реформ. Передумать или отступить уже нельзя будет, потому что в нем говорится не о правительственной инициативе и констатируется общественное неудовольствие, приведшее к смуте и необходимости удовлетворить назревшие государственные потребности, которых вот уже 25 лет, вместо удовлетворения, только преследуют бесплодной борьбой (. . .) Это обращение ко всему народу. Торжественное оповещение и ряд обещаний, от которых отступить нельзя (. . .) И оттого в радуясь, что, наконец-то, отступили

от направления, нового курса, выбора личностей, и переходят к реформам и к новым учреждениям. Это знаменательно, и не может быть отступлений, так как манифест констатирует заслуженное неудовольствие, а общество и вся Россия не передумают».³⁴

Не ограничиваясь высказыванием мнения, он предполагал составить в этом духе адрес, с которым бы обратилось к царю созываемое 17 марта экстренное земское собрание Орловской губернии. Но и в этой среде его оценка манифеста и планируемые практические действия встретили возражения. Собственный брат, елецкий предводитель дворянства А. А. Стахович, не ожидал после 26 февраля никаких улучшений. Напротив, он скорее страшился на ужесточение правительственного курса: «Манифест произвел на меня грустное впечатление как своей туманностью (видимо, сознательно напущенной) и неискренностью, так и очевидным нерасположением к земству (и намек на возвращение *доверия*, столь ему необходимого). Описавшись творческой способностью канцелярий, которые начнут сочинять всепоажимые реформы, основываясь на „сильной власти“. Описное это творчество! Впрочем, мы, может быть, и болезненно напуганные люди. Кто их знает, может, и сочинит что-нибудь здоровое, но что-то не перигся. Как ни плоховато настоящее, по лучше бы, ей богу, так, чем какие-то проекты».³⁵ Намеченное братом обращение к царю он считал совершенно непущим делом, крайне огорчась, что хода назад быть не может после того, как вице-губернатор Бельгард (возможно, умышленно, подозревал он) уже внес вопрос об адресе в повестку заседаний.³⁶

Если такое разпорочие возникло между единомышленниками, то тем больший разлад и несогласие наблюдались в обществе в целом, да и сами власти были приведены в немалое недоумение. Краснопреский полицмейстер, первый прочитавший у себя в городе манифест, решил даже, что дарована конституция.³⁷ Да и повсюду затруднились понять, что же имелся в виду. В одном из переписанных в Петербурге писем была хорошо схвачена эта двусмысленность манифеста, написанного «как какое-то пророчество, и куда его повернуть, туда его и растягивать можно».³⁸ О том же говорилось и в письме, направленном из Тулы в Петербург: «Манифест возбуждает сомнение; написан он неясно, кто думает, что он обещает польность, кто торжествует, ибо видит в заманчивой дали ежовые рукавицы».³⁹ Так же рассуждал и директор ярославской гимназии: «Текст написан очень хитро. Смотря по желанию и по обстоятельствам, можно ссылаться на этот манифест,

³⁴ Николай II и самодержавие в 1903 г. — Былое, 1918, № 2 (30), февраль, с. 221.

³⁵ Там же, с. 220.

³⁶ Там же, с. 221.

³⁷ Там же, с. 222.

³⁸ Там же, с. 215.

³⁹ Там же, с. 220.

принимая меры совершенно разного характера.⁴⁰ Каждый мог вычитать и манифесте, и этой, как выразился прославский автор, «конституции» Плеве, нужное себе, а в поднявшихся спорах каждый мог, приходя соответствующие места, доказывать свою правоту, и то обстоятельство, что материалом для этого служили один и тот же текст, да еще за царской подписью, придавало делу для всякого смотрящего на происходящее со стороны характер какого-то нон-сенса. В роли такого стороннего наблюдателя страшно для него происшествия оказался цензор московского цензурного комитета Н. Бартепеп, побывавший на обеде, данном кн. Трубецкому 28 февраля. Присутствовавшее многочисленное общество, пытаясь понять смысл манифеста, пришло в полный разлад, и совершенно потерявшийся Бартепеп не знал, кого слушать: «Я был поражен противоположностью суждений: одни видели возврат к николаевщине и даже аракчеевщине, другие усматривали зарю новой земской жизни, словом — ченуха преемственности! Сапожники морщатся и покряхтывают, Д. А. Хомяков ликует и заявляет, что это самый замечательный акт во все последние два столетия».⁴¹

Одно, правда, выяснялось определенно — высший чиновничий мир встретил манифест очень сдержанно, скорее даже недоброжелательно. Слободяево Бартепепам находило подтверждение и в других известиях. Обер-прокурор Сената Н. А. Хвостов, один из наиболее рьяных главарей дворняжеской реакции, удостоверил, что «в Петербурге все изумлены неожиданно появившимся манифестом. Все осуждают и стиль, и содержание. Находят, что и писать его было не для чего».⁴² В свою очередь Киреев писал Хомякову: «Любопытная вещь! Здесь, в Петербурге, среди чиновных колпаков, манифест рассматривается как нечто преждевременное и пудное. Придется ломать дворняжеские головы и думать!».⁴³ Люди, вроде Хомякова, встретившие 26 февраля как великое деяние, по близкие в меньшинстве и среди своих, теперь пересчитывались по пальцам. А ведь весь расчет был на то, что именно таким будет массовый прием, что именно так отзовется вся страна. Смуту действительно сумели произвести значительную, но увлечь смогли только единицы. Да и туман, напущенный манифестом, тоже не мог долго держаться. Единственная революционная мера, способная сойти на уступку — отмена круговой поруки, — так и осталась единственной. Ничего другого в запасе у самодержавия не было. А собирались совсем напротив — по всему фронту упрочить старый порядок под прикрытием густой дымовой занавеси. В этом и состояло назначение манифеста 26 февраля. На одной позиции власть не наморевалась уступать. Парастает общая реакционность всей внутренней политики. Приход к ее руководству Плеве и полученные им

⁴⁰ Там же, с. 219.

⁴¹ Там же, с. 218.

⁴² Там же, с. 216.

⁴³ Там же, с. 217.

в самые первые дни ukazания Николая, появление у трона и то же самое время Менцеровского в еще небывалом влиянии — вот что было истинным манифестом самодержавия. Дворянская реакция, далекая, конечно, от монолитного единства, состоявшая из ряда групп и группочек, державшихся более или менее обособленно, том не менее были в этот момент к власти ближе, чем за ряд предшествующих лет. Менцеровский, правее и реакционнее которого уже никого не было, не теряя времени даром. Со всей своей упорной настойчивостью, более того — вездливостью, не раз выводящей из себя посседавших на троне его покровителей, он неустанно продвигал дело самой крайней реакции, живой нитью соединяя самодержавие Николая II с самодержавием Николая I, до конца жизни оставаясь воплощением традиций и всего подхода дореформенного царизма и крепостнического дворянства, до конца жизни не принимая ничего, что произошло после отмены крепостного права.

Л. И. ДЕРЖВИНЦА

ОПРОСНЫЕ БЛАНКИ ЧЛЕНОВ
ПЕТРОГРАДСКОГО—ЛЕНИНГРАДСКОГО СОВЕТА
VII—X СОЗЫВОВ
(1921—1925 гг.)

Вопрос о составе Советов, следовательно, и о документальных источниках о составе Советов заслуживает самого пристального изучения. В. И. Ленин, рассматривая сущность, характер Советов, подчеркивал, что «пролетарская демократия, одной из форм которой является Советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии именно для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся». ¹ что развитие всей советской организации государства направлено к тому, чтобы «каждый член Совета», а затем «все население поголовно привлекалось постоянно как к участию в советской организации (при условии подлинности организациям трудящихся), так и к несению службы государственного управления». ² В начальные годы существования пролетарского государства «Советы, будучи по своей программе органами управления *через трудящихся*, на самом деле являются органами управления *для трудящихся* через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Здесь перед нами задача, — указывал при этом В. И. Ленин, — которую нельзя решить иначе, как длительным воспитанием». ³ Работа

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 256.

² Там же, т. 36, с. 73.

³ Там же, т. 38, с. 170.